

БАГДАСАРЯН Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, Московский государственный областной университет (Россия, Мытищи), e-mail: vardanb@mail.ru

BAGDASARYAN V.E., Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law; Moscow State Regional University (Russian Federation, Mytishchi), e-mail: vardanb@mail.ru

КРЫМСКАЯ ВОЙНА КАК КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ФОКУС КРЫМА В ЦИВИЛИЗАЦИОННО-ЦЕННОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

THE CRIMEAN WAR AS A CONFLICT OF CIVILIZATIONS: THE FOCUS OF CRIMEA IN THE CIVILIZATION AND VALUE DIMENSION OF RUSSIAN HISTORY

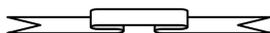
Аннотация. Цель статьи – анализ истории Крыма в ракурсе цивилизационного измерения мирового и российского исторического процесса. Указывается особая роль Крымского полуострова в качестве особого межцивилизационного буфера, что определяет особую парадигму отношений. В статье на примере Крыма раскрывается особый феномен «войны цивилизаций» с ее иллюстрацией в истории России. Как непосредственный пример столкновения цивилизаций рассматривается Крымская война. Показываются когнитивные потенциалы переосмысления Крымской войны как цивилизационного конфликта, в котором цивилизация России противостояла цивилизациям Европы и Османской империи. Применяемая методология позволяет пересмотреть ряд сложившихся в отношении Крымской войны историографических и дискурсивных стереотипов, мифов общественного сознания. Показывается особое цивилизационно образующее, осевое значение Крыма для цивилизационной истории России, её репрезентации.

Ключевые слова: Крым, война цивилизаций, Крымская война, Российская империя, Европа, Османская империя, Русская армия, цели войны.

Abstract. This article aims to consider the history of Crimea from the perspective of the civilizational dimension of the world and Russian historical process. The special role of the Crimean peninsula as a special intercivilizational buffer is indicated. It determines a special paradigm of relations. Using Crimea as an example, the article reveals a special phenomenon of the «war of civilizations» with their illustration in the history of Russia. The Crimean War is considered as a direct example of the clash of civilization.

The cognitive potentials of rethinking the Crimean War as a civilizational conflict are given. It is stressed that the Russian civilization opposed the civilizations of Europe and the Ottoman Empire. Finally it is emphasised that the applied methodology allows to revise a number of historiographic and discursive stereotypes and myths of public consciousness that have developed in relation to the Crimean War. The special civilization-forming axial significance of Crimea for the civilizational history of Russia is shown.

Keywords: Crimea, war of civilizations, Crimean War, Russian empire, Europe, Ottoman Empire, Russian army, war aims.

ВВЕДЕНИЕ

Существуют, как известно, различные классификации разворачивавшихся войн в истории человечества. В качестве одного из таких типов войн выделяется сегодня война цивилизационная. Ее распространение связывается, как правило, в обществоведческом дискурсе с авторитетом С. Хантингтона. Американский политолог использовал в действительности вместо более радикальной дефиниции «война» менее категоричную метафору – «столкновение цивилизаций». Но от этого природа соответствующего конфликта, в основе которого находились междоцивилизационные противоречия, не снималась [10].

Факт прецедентов междоцивилизационных войн не означает, что такие войны предопределены самим существованием цивилизаций. В противоположность войнам может быть вполне реализуема и установка междоцивилизационного диалога. Но сама фиксация прецедентов междоцивилизационных войн в истории отражает важные реалии развертки мирового исторического процесса, и их игнорирование означало бы его существенное искажение.

Россия как государство-цивилизация не единожды исторически вступала в междоцивилизационные конфликты, что объективно обуславливалось фактором иноцивилизационного окружения. Наиболее масштабные войны в российской истории имели либо цивилизационную парадигму, либо цивилизационные аспекты. Такое измерение конфликтов присутствовало и при отражении Александром Невским в тринадцатом столетии агрессии с Запада, и в противостояниях с Польшей как форпостом католического мира, и в борьбе с мусульманской Османской империей. Великая Отечественная война, помимо иных аспектов, имела и аспект русской (российской) цивилизации и объединенной Германией единой континентальной Европы.

«Холодная война» была также не только противостоянием социальных систем – капитализма и социализма, но противостоянием цивилизаций, в рамках которого акцентировались системные различия противников. «Новая холодная война» воспроизводит в этом отношении цивилизационную инерцию конфликта прошлого, привнося и новые аспекты, связанные с развитием надцивилизационной корпоратократии [2].

Крымский полуостров фактически на всем протяжении своей истории выступал в качестве особой зоны цивилизационного буфера. Пересечение ареалов цивилизаций приводило зачастую к борьбе за цивилизационное доминирование, что, впрочем, никогда не отменяло этнокультурную гетерогенность региона. Еще в Древнем мире Крым являлся одной из важнейших артерий цивилизационных транзитов. За доминирование в регионе исторически вели борьбу греки, римляне, скифы, персы, готы, гунны, тюркюты, хазары, монголо-татары, генуэзцы, крымские татары, турки и др. Особые геополитические претензии в отношении Крыма были продуцированы в период иностранной военной интервенции и Второй мировой войны [1].

Русская (российская) цивилизация включилась в конфликт за доминирование в Крыму в качестве цивилизационной части восточно-христианского (византийского) мира. Падение Византии – первое в начале тринадцатого и второе в середине пятнадцатого столетия – определило особую миссию русского цивилизационного утверждения на Крымском полуострове. Включение Крыма в орбиту духовного видения задавала преемство от старо-православной к новоправославной цивилизации.

Дополнительным фактором включения в борьбу являлись крымско-татарские набеги с юга и османские экспансионистские претензии. Фактически имел место конфликт цивилизаций – русско-православной и османской.

мусульманской. И до последней четверти семнадцатого века силой цивилизационного наступления выступал ислам. Османская империя – одно из сильнейших государств мира – являлась одним из главных акторов тогдашней мировой политики, имевшим еще силовое преобладание над странами Европы.

Однако в отношениях цивилизаций имеет значение особый исторический реверс – «цивилизационный маятник». Восемнадцатый век задал противоположный вектор маятникового движения, результатом которого явилось включение Крыма не только в духовную орбиту России, но и в политические границы Российской империи. К середине девятнадцатого столетия в фокусе потенциального конфликта за доминирование в Северном Причерноморье сталкивались три силы – российская цивилизация, бросившая вызов исламу-турецкой и западной цивилизационным системам; Запад, разделенный противоречиями, но единый с позиций идентичности и оппонирования христианскому Востоку; Османская империя, сохранявшая по инерции прежние амбиции, но не подкреплявшая их соответствующими модернизационными потенциалами.

Две цивилизации – западная и османская – выступили против третьей – российской. Крымская война в этом отношении являлась классическим примером цивилизационного конфликта, более очевидно выраженного, чем другие столкновения цивилизаций российского исторического нарратива.

Фактически осмысление Крымской войны в качестве столкновения Россия – Европа сложилось еще в дореволюционной военной историографии. Приводилась развернутая аргументация консолидированности антироссийских действий Запада на военном, дипломатическом и общественном уровнях. В либеральном направлении историографии и общественной мысли, напротив, делался

акцент на реакционности действий российского правительства, тогда как Европа позиционировалась в конфликте носителем духа прогресса. Штамп о прогрессивности Европы периода Крымской войны приобрел в дальнейшем характер клише, при том что о прогрессивности Наполеона III, равно как и других европейских монархов, можно было говорить в сравнении с тем же Николаем исключительно вставая на почву западничества [2].

В советской историографии при доминанции школы М. Н. Покровского линия критики реакционности самодержавия в Крымскую войну еще более усилилась. Развивалась тема российской торгово-капиталистической экспансии. Главная установка выдвинулась в борьбе за раздел османского наследия, где России противостояли другие державы – акторы мирового капитала [5, С. 111].

Безусловным шагом вперед в советской историографии осмысления Крымской войны явились исследования Е. В. Тарле. С одной стороны, в противоречие с школой Покровского удалось преодолеть ряд ангажированных положений о политике Российской империи как наиболее агрессивной среди держав мира. Но с другой – Тарле, следуя методологии эконоцентристского анализа, акцентировал внимание в конфликте Крымской войны на столкновении экономических интересов, борьбе за рынки сбыта. Гуманитарным составляющим конфликта, таким как реваншизм Наполеона или рефлексия на победу в 1812 году, также уделялось в фундаментальном труде определенное внимание, но подчиненное факторам экономики [7].

Собственно, к возможности выхода на осмысление Крымской войны в качестве конфликта цивилизаций сложились методологические и дискурсивные предпосылки только уже в 2000-е годы. Не снимая проблематику экономического, геополитического, политического и иных конфликтов, возникает перспектива оценить ее в ракурсе кон-

фликта цивилизационно-ценностного.

Английский историк А. Дж. Тойнби, являясь не только представителем западного сообщества, но и работником МИД Великобритании, именно Западу во взаимоотношениях с Россией отводил однозначно роль агрессивной стороны. Россия давала ответ на вызов Запада, заявляя свое право на особую цивилизационную идентичность. Такое право особенно ревностно отстаивалось при Николае I, что определяет особо пристальное отношение к апогею российско-западного противостояния, пришедшегося на Крымскую войну [8].

Никогда прежде со времен Ивана Грозного русско-европейские отношения не обнаруживали столь определенно парадигму цивилизационного конфликта. В дальнейшем российской выбор в пользу модернизации был в значительной степени определен моральным потрясением российского общества, вызванным поражением в цивилизационном конфликте, что гипертрофировалось как крах ценностно-мировоззренческий, а не только проявление технологического отставания.

Генезис Крымской войны, как правило, увязывается с «восточным вопросом» в международных отношениях. Однако такая акцентировка не в полной мере отражает сущность конфликта. Ключевым в Крымской войне являлся вопрос не о разделе османских территорий, а о доминанте в европейской политике. «Восточный вопрос», являвшийся традиционным узлом европейских противоречий, оказался не причиной, а катализатором войны.

В качестве явления системы международных отношений «восточный вопрос» брал начало с XVIII века, соотносясь с упадком Османской империи и охватившими ее центробежными процессами. Вместе с этим развивался процесс формирования европейских колониальных империй второй волны (Англия, Франция). Заявляла о своей особой

роли Российская империя, традиционно считавшая Балканы и Северное Причерноморье сферой своей миссии. Это обуславливало латентную эскалацию в отношениях великих европейских держав в регионе. Российская империя исторически продвигала границы к югу – в сторону Черного моря. С одной стороны, это мотивировалось необходимостью защиты южных рубежей от перманентной угрозы Османской империи и Крымского ханства. Имел место и объективный фактор миграционного продвижения русских к югу под влиянием высокой демографической динамики и соответствующего хозяйственного плодородных территорий юга Восточно-Европейской равнины. Принципиальное значение для России и политики царей имел также фактор защиты восточноевропейских народов Балкан и Закавказья, находящихся под властью Турции.

Территориальные задачи Российской империя преимущественно решила к началу XIX века. Присоединив Крым, укрепившись на Черном море, создав там мощный военноморской флот, Россия свела к минимуму угрозу со стороны Турции и обеспечила потенциалы для экономического и социального развития южных территорий. Бурное развитие Малороссии являлось прямым следствием присоединения Крыма к России, что важно зафиксировать в современных дискуссиях о российском факторе в развитии современной Украины.

Объективно актуализировался вопрос о черноморских проливах. Находилась в повестке проблема освобождения из-под турецкого ига единоверных народов.

Таким образом, политика России в «восточном вопросе» и создание опорной базы в Крыму определялись защитой жизненно важных интересов государственного развития. Но именно Крым со всем связанным с ним ареалом потенциального влияния России стал той частью мира, где она столкнулась с

наиболее жестким противоборством других ведущих европейских держав.

Правда, существовал со стороны союзников и альтернативный сценарий развертки военных действий, при котором основной театр боев не был бы связан с Крымом. Наполеон III вынашивал план вторжения в Россию через Польшу по аналогии с походом Наполеона I. Новый французский император желал исправить историю 1812 года. Но план не был реалистичным, во-первых, ввиду высокой концентрации на западном направлении русских войск, а во-вторых, по причине несогласия с ним Англии и Турции. Для них поход через Польшу был абсурден. Именно Крым объективно оказывался в середине девятнадцатого века в фокусе цивилизационного надлома.

Еще в XVII веке Англия и Франция пытались усилить свое дипломатическое и экономическое влияние на Османскую империю. Но пока та сохраняла статус мощной военной силы, такие попытки имели известные ограничения.

Ситуация изменилась в XVIII столетии при превращении Турции из субъекта в объект международной политики. Порты оказываются под все большим контролем Англии и Франции, пытавшихся через нее сдерживать рост могущества Российской империи в регионе, а при лучшем сценарии – вернуться к геополитическому раскладу конца XVII столетия, блокировав Московию в лесных массивах.

Цели войны можно интерпретировать как заговор коалиционного сдерживания России. Так, в Англии полагали, что установление российского контроля над проливами создало бы реальную угрозу господству Британии в Средиземном море, а далее – в Персии и в перспективе – в Индии. Франция традиционно к сфере своих интересов относила территорию Леванта, для контроля за которым требовалось остановить Россию в Северном

Причерноморье. Роль французских монархов в качестве покровителей католического духовенства в Палестине также при определенных обстоятельствах приводила к эскалации конфликта с Россией как покровительницы православных (хотя при должной готовности к компромиссу он не являлся неизбежным). Имела место и попытка спровоцировать конфликт с особо одиозным в восприятии значительной части французов царским режимом.

Особую роль в антироссийском альянсе заняла Австрия. С ослаблением Османской империи она всё очевиднее проявляла интерес к проникновению на Балканы, где она сталкивалась в перспективе уже не с Турцией, а с бывшим союзником – Россией. В этом отношении Крымская экспедиция союзников была явно на руку Вене. При защите Крымского полуострова Российская империя объективно ослабляла свои позиции на Балканах.

Лучше всего суть своей политики в «восточном вопросе» выразил император Австрии (впоследствии Австро-Венгрии) Франц Иосиф. В 1850 году в письме своей матери он отмечал: «Наше будущее – на востоке, и мы загоним мощь и влияние России в те пределы, за которые она вышла только по причине слабости и разброда в нашем лагере. Медленно, желательно незаметно для царя Николая (императора Николая), но верно мы доведем русскую политику до краха. Конечно, нехорошо выступать против старых друзей, но в политике нельзя иначе, а наш естественный противник на востоке – Россия...» [4, С. 433].

Поражена ли осталась Россия при основном театре цивилизационной войны в Крыму? Вопрос состоит в оценке степени понесенного ей цивилизационного поражения. На периферийных театрах боевых действий она была успешной. Но и масштаб «крымского фиаско», надо думать, оказался преувеличен. Непосредственно в Крымской войне

приняло участие только 10–15 % совокупной русской армии. Привлечь более значительные ресурсы и бросить в Крым Россия не могла, поскольку требовалось держать войска по всему периметру страны. Угроза внешнего удара исходила даже от Пруссии, занимавшей относительно сдержанную позицию.

Неожиданным было и негативное отторжение, исходящее от греческого духовенства, которое способствовало отказу в помощи антиосмански настроенным арабам. Именно Константинопольский патриарх испугался увеличению авторитета России на Востоке и всячески противился дальнейшему успеху православной духовной миссии в Иерусалиме.

Более красноречиво экспансионистские цели западных государств в Крымской войне прослеживались через предполагаемые изменения в политической картине. Так, Наполеон III планировал передать Австрии часть владений Турции на Балканах, Сардинскому королевству – Ломбардию, Британии – Кандию и Кипр. Франция должна была получить Савойю и Бельгию. Польша получила бы независимость и во главе нее встал бы наследник бельгийского монархического дома. Героизм русской армии в Крыму не позволил, как известно, реализации этих замыслов.

Крымская кампания в качестве приоритетных направлений видела усиление и увеличение антироссийских настроений. Испания вспомогательным корпусом должна была помочь союзным Наполеону войскам, привлекая в военные действия и Данию. Даже нейтралитет Швеции пошатнулся ввиду обещаний по Финляндии. Она обещала выставить против России шестидесятитысячную армию. Франция пыталась под эти дополнительные ресурсы разработать общие боевые действия. Наследник прусского престола, будущий кайзер Вильгельм, всесторонне

поддерживал противорусские военизированные настроения, бытовавшие в то время на территории государств Ганновера и Гессена. При продолжении войны интернациональный состав антироссийских сил был бы, безусловно, расширен.

Предсказуемым аспектом «...для советской историографии являлось указание, что одним из факторов русского поражения явилось противостояние отечественному парусному флоту паровых судов союзников. В действительности же паровые суда состояли и на вооружении Российской империи. Так, на рейде в Черном море находилось четыре паровых фрегата и десять паровых судов, в Балтийском море – двадцать семь. Правда, у союзников имелось больше паровых судов, но и у них парусники доминировали. Пароходы всё еще оставались тактическим, а основным средством в боевых операциях флота...» [11].

Идентичен по своей формулировке «...миф в объяснении российского поражения в Крыму фактором технологической отсталости и указывает на отставание русской армии по качеству ружей. Создателем мифа стал А. С. Меншиков, пытавшийся оправдать допущенные субъективные просчеты. Даже Н. С. Лесков в «Левше» принимал предложенное объяснение. В предисловии повести он писал о «секретной причине» военной неудачи в Крыму. В действительности же еще в ходе Крымской кампании русские ружья подверглись в основной массе модернизации. Англичане имели преимущества ружейного боя, но его не было у французов. Кроме того, фактор преимущества стрельбы оказывался часто сводим к нулю ввиду тумана, как было, например, в сражении при Инкермане. Конечно, технологический фактор имел свои негативные последствия в войне для России, но решающего значения это не имело. Были аспекты вооружения, в частности минное производство, где русская армия

имела преимущества перед союзниками (мины Б. С. Якоби)....» [6; 9; 12, С. 37–43].

На случай самого негативного сценария у Николая I имелся козырь, к которому он намеревался прибегнуть – провозглашение Второй отечественной войны. До конца дней не верил в поражение и, вероятно, проживи дольше – мир бы с Европой не принял.

Как бы ни показалось странным, но важнейшее значение Крымской войны раскрывается через полный развал шаткого международного Священного союза. В этом контексте представления русских монархов о своеобразных мировых соглашениях, основанных на представлениях об универсальной христианской этике, провалились. Цивилизационный универсум заменила цивилизационная война.

Одна из основных причин поражения для России была связана с объективной необходимостью рассредоточения сил. Крымский театр фактически концентрировал Россию. Это была концентрация и военная, и духовная.

Основательный труд «Кембриджская история внешней политики Британии» доносит до читателя мысль, что по завершении Первой мировой войны политическая карта Ближнего Востока и Балкан была очень близка к критическим предложениям Николая I. Поэтому отстранённые представления всё же констатировали не столько николаевский провал, сколько возможные горизонты цивилизационного транзита.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тем не менее масштабы поражения оказались в российском обществе гипертрофированы. Их преувеличение задало инициализационный вектор трансформации последующего царствования. Под вывеской реформ, многие из которых были объективно необходимы, происходило вместе с тем фактическое отступление от констант функционирования российской цивилизационной си-

стемы.

Парадокс проигранной Крымской войны в логике цивилизационного реверса привел к прямо противоположным по отношению к итогам конфликта результатам. Россия не только не отступила из Крыма, а начала наиболее активную фазу его освоения. Развивается курортная инфраструктура. Царские резиденции в Крыму фактически означали незыблемость положения полуострова в составе Российской империи. Изменяется этнодемографическая структура населения, в которой великорусский православный компонент получает преобладание. Формируется особая крымская художественная субкультура, занявшая особое место в истории культуры России. Логика – вызов – ответ – поражение – цивилизационная рефлексия и прорыв объясняют особость крымского феномена модернизированной империи.

Библиография:

1. Багдасарян В.Э. История общественно-политической мысли. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 247 с.
2. Багдасарян В.Э. Россия – Запад: цивилизационная война. – М.: ФОРУМ, Инфра-М, 2017. – 410 с.
3. Зюзенков И.П. Морской флот России в Крымской войне 1853–1856 гг. // Труды Военно-политической академии им. В. И. Ленина. – 1940. – № 4. – С. 137.
4. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Под ред. А. Шиндлинга и В. Циглера. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 640 с.
5. Покровский М.Н. Империалистская война: сборник статей. – М.: Соцэргиз, 1934. – 448 с.
6. Преснухин П. Ответ на замечания французских минеров о наших минных работах при обороне Севастополя // Инженерный журнал. – 1861. – № 1.

7. Тарле Е.В. Авторский сборник. Т. 9. Крымская война. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. – 626 с.
8. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад / Пер. с англ. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. – 318 с.
9. Фролов М.М. Минная война в Севастополе в 1854–1855 гг. под руководством генерал-адъютанта Тотлебена / составил инженер-полковник Фролов. – СПб.: Типография Н. Тиблена и К° (Н. Неклюдова), 1868. – 172 с.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
11. Шелов О.В. Оборона Кронштадта в 1854–55 гг. // Военный сборник. – 1905. – № 11-12.
12. Яковлев В.В. Краткий очерк истории подземной минной войны. – М.: ВИА РККА, 1938. – С. 37-43.
- of Articles]. – М.: Sotsekiz. – 448s. (In Russ.).
6. Presnukhin P. (1861) Otvet na zamechaniya frantsuzskikh minerov o nashikh minnykh rabotakh pri oborone Sevastopolya [Response to the remarks of French miners about our mine work during the defense of Sevastopol] // Inzhenernyy zhurnal. – №1. (In Russ.).
7. Tarle E.V. (1959) Avtorskiy sbornik. T.9. Krymskaya voyna [Author's collection. T.9. Crimean War]. – М.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. – 626s. (In Russ.).
8. Toynbi A.D. (2011) Tsivilizatsiya pered sudom istorii. Mir i Zapad [Civilization before the Court of History. The World and the West] / Per. s angl. – М.: АСТ: Astrel'; Vladimir: VKT. – 318s. (In Russ.).
9. Frolov M.M. (1868) Minnaya voyna v Sevastopole v 1854-1855 gg. pod rukovodstvom general-ad'yutanta Totlebena [Mine war in Sevastopol in 1854-1855 under the leadership of Adjutant General Totleben] / sostavil inzhener-polkovnik Frolov. – SPb.: Tipografiya N.Tiblena i K° (N. Neklyudova). – 172s. (In Russ.).
10. Khantington S. (2003) Stolknoveniye tsivilizatsiy [Collision of civilizations]. – М.: ООО «Izdatel'stvo AST». – 603s. (In Russ.).
11. Shelov O.V. (1905) Oborona Kronshadtta v 1854-55gg. [Defense of Kronstadt in 1854-55] // Voyenny sbornik. – №11-12. (In Russ.).
12. Yakovlev V.V. (1938) Kratkiy ocherk istorii podzemnoy minnoy voyny [A brief outline of the history of the underground mine war]. – М.: VIA RKKA. – S.37-43. (In Russ.).

References:

1. Bagdasaryan V.E. (2020) Istoriya obshchestvenno-politicheskoy mysli [The history of social and political thought]. – М.: INFRA-M. – 247s. (In Russ.).
2. Bagdasaryan V.E. (2017) Rossiya – Zapad: tsivilizatsionnaya voyna [Russia – West: Civilizational War]. – М.: FORUM, Infra-M. – 410s. (In Russ.).
3. Zyuzenkov I.P. (1940) Morskoy flot Rossii v Krymskoy voynе 1853-1856gg. [The Russian Navy in the Crimean War of 1853-1856.] // Trudy Voenno-politicheskoy akademii im. V.I. Lenina. – №4. – S.137. (In Russ.).
4. Kayzery. Svyashchennaya Rimskaya imperiya, Avstriya, Germaniya [Kaisers. Holy Roman Empire, Austria, Germany]. Pod red. A. Shindlinga i V. Tsiglera. – Rostov na-Donu: Feniks, 1997. – 640s. (In Russ.).
5. Pokrovskiy M.N. (1934) Imperialistskaya voyna: sbornik statey [Imperialist War: Collection